

. . .

Мы исчезли 24 июля, через пять часов после того, как, стоя на опустевшей парковке придорожной гостиницы, пытались запихнуть вещи в багажник. Дальнобойщики, спавшие ночью в фурах, уже разъехались, на стоянке были только мы. Проезжавшие по трассе машины обдавали нас облаком теплой пыли. Часть сумок, как ни укладывай, оставалась на земле, будто вещи за время поездки размножились. Мало того что теперь чемоданы мы могли закрывать только вдвоем — я вставала сверху коленями, а Лика застегивала молнию, — так еще появилась куча пластиковых пакетов непонятно с чем.

— Может, лучше этот чемодан боком поставить? — предложила Лика.

Лучше было бы, во-первых, не брать столько вещей, а во-вторых, не доставать их из багажника

и не перетаскивать в номер, чтобы на следующее утро тащить обратно, но нам предстояло провести вместе еще неделю, поэтому я ответила:

— Давай! — И вернулась в гостиницу.

С номером повезло: окна выходили на лес, шума дороги не было слышно. На двух узких кроватях валялись скомканные простыни с синими штампами, в проходе, прижавшись друг к другу, стояли две тумбочки. Я встряхнула простыни, заглянула в тумбочки и под кровати, смахнула мусор со стола в урну, зашла в ванную. Там под разорванным пакетиком шампуня лежали маникюрные ножницы Лики (вечно она все забывает), и я положила их в карман куртки. Больше наших вещей в номере не было.

Я вышла в коридор, застеленный длинным красным ковром, обернулась, посмотрела на номер в последний раз, и у меня возникло чувство, которое я тогда не поняла, но понимаю сейчас. Смутное ощущение, что нужно бежать — бросить Лику, поймать машину, доехать до Петро-заводска и оттуда первым же поездом в Москву. Я стояла в коридоре, смотрела на номер и вспоминала свою маленькую квартиру с желтыми обоями в цветочек, которые я давно хотела переклеить, но все никак, кухню с красным чайником на плите, расшатанный кухонный диванчик, застеленный полосатым пледом, вид из окна на ряды серых типовых девятиэтажек. В той квар-

тире — и только там — я чувствовала себя в безопасности.

В конце коридора появилась уборщица, лязгающая ведром, морок рассеялся.

— Выезжаете? Чего так поздно-то, все уже выехали, я уже все номера убрала, одни вы остались, мне весь день тут из-за вас убираться?

— Извините, — ответила я и пошла к лестнице.

На первом этаже сидела администраторша с длинными бордовыми ногтями, усыпанными стразами, и каким-то пергидролем на голове. Ночью она заселяла нас с таким видом, будто делает личное одолжение. Работал телевизор. Пятеро людей в студии с желтыми диванами пытались друг друга перекричать, назревала драка.

— Можно заплатить?

Администраторша придвинула ко мне пачку бланков, не отрываясь от телевизора, и ткнула в них длинным ногтем — заполните. Я начала заполнять бланк, в студии началась драка, мужик ударил жену (или сестру, я не поняла) в челюсть и назвал ее тварью, а ее мать (или тетка) с воплем вцепилась ему в волосы. Что она говорила — было запикано, но в целом можно было догадаться. Тетка вырывала клоки волос из головы мужика, тот в ответ бил ее кулаком в живот. Охранники разнимать драку не торопились.

— Что же вы делаете, Василий? Как можно бить женщину? — сказал ведущий в микрофон, не сдвинувшись с места.

Бланк подошел к концу, незаполненной оставалась только дата.

— Какое сегодня число?

Администраторша молча ткнула длинным бордовым ногтем в календарь.

— Двадцать третье? Разве не двадцать четвертое?

Драка закончилась, вмешались охранники. Администраторша оторвалась от телевизора, окатив меня презрительным взглядом, посмотрела на календарь и молча передвинула прозрачную рамку. «Вот дура», — подумала я, вписала дату, отдала бланк, деньги и вышла из гостиницы.

Лица успела переставить «фольксваген» прямо ко входу и ждала меня с очень довольным видом.

— Все вошло! — сказала она.

— Едем, — ответила я.

Мы сели в машину, по диагонали проехали пустую стоянку и выехали на трассу. Про странное предчувствие в коридоре гостиницы я к тому моменту уже забыла и думала только о том, где бы позавтракать.

Эта история началась из-за жары в Москве. То лето было невыносимым: температура стабильно держалась выше тридцати градусов. Плавился асфальт, воздух был раскаленной смесью выхлопных газов и пыли, казалось, сделав глубокий вдох, можно сжечь легкие. Люди ехали на работу в шортах и вьетнамках, иначе в метро можно было получить тепловой удар, и затем натягивали колготки и брюки на мокрые потные ноги в офисных туалетах.

Мне повезло: в июне меня уволили с работы, то лето принадлежало только мне, и это было первое по-настоящему беззаботное лето. Искать новую работу я не торопилась: весной умерла бабушка, оставив небольшое наследство, на него можно было спокойно прожить до осени. Я гуляла по улицам, ходила в парки, читала Брэдбери,

взятого в районной библиотеке, ела мороженое и смотрела, как дети купаются в фонтане — хоть кто-то радуется жару. В особенно жаркие дни я оставалась дома, лежала под мокрой простыней, пила чай с кубиками льда и смотрела в окно. В один из таких дней мне позвонила Лика.

Мы не были близкими подругами, мы не были подругами вообще, мы когда-то работали в одной компании и с тех пор иногда общались — встречались раз в полгода, гуляли по парку, ходили в кино, обсуждали, что изменилось на нашей бывшей работе, кто женился, кого уволили и всякое такое. Я удивилась звонку Лики — кто-кто, а она точно должна была отдыхать где-нибудь в Турции со своим очередным парнем. Отец Лики был бизнесмен.

Но Лика сказала, что она в Москве, с парнем рассталась — поняла, что он не ее человек, — а еще отец ей на день рождения подарил машину, и она хочет куда-нибудь поехать, куда-нибудь на север, может в Карелию, где прохладнее и где интеллигентнее люди. Откуда такие мысли? Но ведь на севере люди всегда интеллигентнее, сравнить хотя бы север и юг Италии. И можно поехать на машине через всю Карелию, ночевать на турбазах, собирать ягоды, купаться в озерах, будет здорово, если я поеду с ней, потому что одна она ехать боится.

Я сказала, что подумаю.

Той весной я потратила часть бабушкиного наследства на права, поехать куда-нибудь на машине мне хотелось очень. Тем более в Карелию — моя давняя мечта. Но ехать с Ликой... Однажды Лика побывала в Ульяновске — ездила знакомиться с родителями ее парня — и с тех пор рассказывала, как сильно она была травмирована нищетой и местными реалиями, какие там были странные люди и как она боялась там гулять. С парнем она после той поездки сразу же рассталась — поняла, что парень из Ульяновска ей не пара. Больше за МКАД не выезжала, не считая поездок в Шереметьево. Поехать с Ликой в Карелию означало согласиться, что, если что-то пойдет не так, я буду решать проблемы, пока Лика будет пытаться дозвониться до отца.

В квартире было невыносимо жарко. Мокрая простыня уже порядком нагрелась, я хотела намочить ее заново, но из крана текла только теплая вода. Я подошла к окну и посмотрела на ряды серых девятиэтажек, будто на глазах плавившихся от жары. Тогда я перезвонила Лике и сказала, что поехать в Карелию — отличная идея.

Через три дня я приехала к ней с рюкзаком вещей.

— У тебя всего лишь рюкзак? — удивилась Лика и показала на лежащие на полу три огромных чемодана и четыре сумки.

— У тебя там и вечернее платье, наверное, есть?

— Конечно, — сказала она. — А ты не взяла? А если в ресторан пойдем? В Петрозаводске? Ладно, если что, у меня три платья, наденешь одно из них. Думаю, тебе черное будет отлично. Или есть еще синее с блестками. Короче, примеришь, посмотрим, какое-нибудь да подойдет.

Мы сделали бутерброды в дорогу, заварили чай в большом термосе, в три захода спустились с вещами, уложили все в новенький «фольксваген». Я вспомнила, что мы оставили термос на столе. Лика дала мне ключи от квартиры, а сама продолжила распределять вещи по карманам машины. Я поднялась в квартиру, взяла термос и спустилась.

— Ты в зеркало посмотрела? — спросила Лика. — Ну, примета такая: если возвращаешься в квартиру, нужно в зеркало посмотреть. Иначе не к добру. Блин. Может, поднимемся, посмотрим?

Я молча посмотрела на Лику, и она засмеялась.

— Ладно, я все поняла, не поднимемся, только не бей.

Она завела машину и тронулась, медленно объезжая машины во дворе. Мы выехали на широкий проспект, без пробок промчались по городу, проехали под МКАДом и выехали на шоссе. Вскоре мелькнула табличка с перечеркнутой надписью «Москва».

— Ура! — сказала Лика. — Едем!

2

Наблюдать за Ликой в Карелии было даже интересно: как она фотографируется с коровами, как кокетничает с чумазым, не понимающим, как реагировать, деревенским пастухом, как с красной помадой и в новом наряде (дважды ходить в одном и том же — преступление против женственности) входит в кафе «У Натальи», смотрит на тарелки с подсохшими бутербродами под полукруглым мутным стеклом и спрашивает, могут ли для нее сварить кофе, только не растворимый, а нормальный, в турке, и можно ли перекусить чем-нибудь без мяса, сыра и хлеба. В итоге Лике приходилось питаться йогуртами, ягодами, зеленым чаем и рыбой, которую мы пару раз жарили на углях, но она не унывала, говорила, что в следующий раз просто возьмет чемодан с нормальной едой, кто же